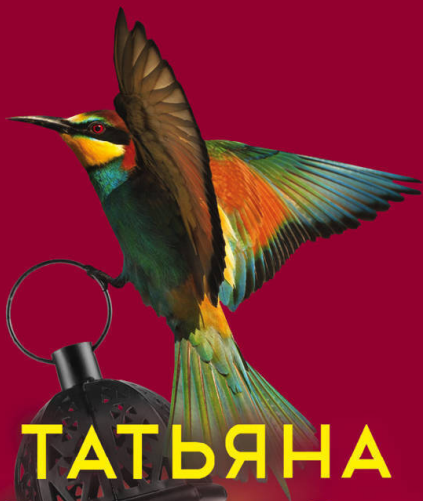

СТАВКА
НА СЛАБОСТЬ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Ставка на слабость
Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123478
Ставка на слабость: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-16200-3*

Аннотация

Ставшие свидетельницами совершенно нелепой автомобильной катастрофы, две подруги, Люська и Татьяна, заодно становятся и обладательницами "дипломата" с миллионами. Однако им сразу становится ясно, что эти деньги пахнут криминалом и что их непременно начнут искать.

Смогут ли слабые женщины защитить себя и свои неожиданные богатства? Ведь кругом мафия, крутые парни, жестокие разборки... Единственная реальная сила женщины – в ее слабости, решают подруги. И пытаются победить этой силой своих врагов...

Содержание

Татьяна Полякова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Татьяна Полякова

Ставка на слабость

Я повернула ключ в замке и толкнула дверь. С кухни валил дым и пахло горелым, квартира моя напоминала стан половецких воинов. Это могло означать только одно: Люська жарит блины. Лично я блины терпеть не могу, а в Люськином исполнении они мне кажутся особенно отвратительными. Я бросила ключи на тумбочку и прошествовала на кухню. Люська в моем переднике стояла у плиты и скалила зубы. Как всегда в присутствии дорогой подруги, кухня показала мне несуразно маленькой, впрочем, не только кухня, я сама себе начинала казаться слегка недоразвитой.

Рост у Люськи 180, бюст и бедра – закачаешься. Некоторое время назад она подвизалась манекенщицей, но чрезмерное увлечение блинами свое дело сделало, впрочем, некоторая дородность, на мой взгляд, прибавляла Люське шарма. Лет ей было за двадцать пять, если быть честной, то далеко за двадцать пять, а приди мне фантазия повредить, я бы сказала: ох как за двадцать пять, но так далеко моя вредность никогда не заходила. По профессии Люська была зубным врачом, мы и познакомились, когда вместе работали в 4-й городской поликлинике, но несуразностей в жизни моей подруги было столько, что запутаешься, и в насто-

ящий момент Люська трудилась в ларьке, снабжая страждущую публику целебной жидкостью импортного розлива.

Люська перестала скалить зубы и спросила:

– Чего кислая такая?

– В отпуск прогнали. С понедельника.

– А деньги дали?

– Нет. Сказали, через неделю.

– Ну и ладно, проживем. Деньги пока есть. А отпуск... что ж, будем отдыхать.

– Я летом хотела.

– Не ной, что толку-то? Слетай к мужу, а? Что? На билет придет. Этих, мишек бы посмотрела.

– Иди ты с мишками. Блины горят.

Люська занялась блинами, а я – созерцанием ее спины.

– Письмо было? – спросила она.

– Посылку прислал.

– Потрошенная?

– Нет. Со знакомым.

– А чего прислал-то?

– Куртку, костюм, так, по мелочам всего и 200 долларов. –

Так что сидишь-то, показывай, – обрадовалась Люська.

– Лень.

– Давай-давай, хвались.

Я пошла в комнату, надела костюм, прихватила куртку и вернулась в кухню. Люська критически оглядела меня с ног до головы и кивнула:

– Блеск. Не женщина, а конфетка. Обмыть бы надо.

– Не надо. Мы сегодня на концерт идем. Забыла, что ли?

– Да? Тогда завтра обмоем. Что муж-то пишет? К себе зовет?

– Зовет, – вздохнула я.

– А ты?

– Что я?

– Поедешь?

– Что мне там делать?

– И то верно. Австралии мы, что ли, не видели? Вон ее по телику то и дело кажут. Одни кенгуру, только и хорошего в них, что сумки, а русскую бабу сумкой не удивишь, мы сами все в кошельках. Однако муж тебя любит.

– Ага, – хмыкнула я.

Славка уехал пять лет назад, через семь месяцев после нашей свадьбы. Где его только не носило, год назад осел в Австралии, как будто надолго. Сначала звал меня очень настойчиво, теперь больше по привычке. Не знаю, кто из нас не прав, но Славку простить не смогла, записав в предатели.

– Как он там? – вернула меня на кухню Люська. – На автобусе катается?

– Ага.

– Ну и слава богу. Давай блины есть.

– Я их терпеть не могу. Ты ж знаешь.

– Знаю. Я сосисок купила. Ешь.

Пять минут мы жевали молча, потом Люська сказала, меч-

тательно разглядывая стену:

– Я у тебя поживу.

– Это еще зачем? – встрепенулась я.

– С Борькой поцапались. Отправила его сама знаешь куда.

Надоел алкаш.

– А моя квартира здесь при чем? – решив стоять насмерть, поинтересовалась я.

– Так ты ж Борьку знаешь. Начнет таскаться каждый день, всю душу вымотает.

– Слушай, Люська, – подхалимски предложила я, – а давай ты у моих поживешь. Отец с матерью в санаторий едут, а? Чего нам в однокомнатной квартире тесниться?

– Гонишь, что ли? – гневно спросила Люська.

– Да нет, живи, – струсила я.

– То-то. Ты в отпуске, я недельку возьму. Отдохнем.

От радости у меня схватило зубы. Я поморщилась, а Люська подозрительно на меня уставилась.

– Что, зубы?

– Ага.

– Давай посмотрю.

– Ну уж нет.

Я вскочила и стала посуду мыть.

– Концерт-то во сколько? – поинтересовалась Люська.

– В семь.

– Поеду домой. Переоденусь. Может, мне прямо в филармонию подъехать, чего по городу колесить? Где-нибудь без

пятнадцать семь, а?

– Давай, – согласилась я. – Только в половине седьмого, и не опаздывай.

– Когда я куда опаздывала? – возмутилась Люська, я могла бы возразить, но спорить с ней настроения не было.

Я прыгала возле остановки на сыром апрельском ветру. За моей спиной росли голубые ели, скрывая разноцветные огни и толпу нарядных граждан, дружно тянувшихся к концертному залу. Душа моя тянулась туда же. Я посмотрела на часы: восемнадцать сорок пять. Люська девка необязательная. Решив подождать еще пять минут и идти в одиночестве, я пританцовывала и проклинала себя за то, что берет не надела. Весна весной, а холодно.

Прошло пять минут, и я дала Люське еще минуту, тут рядом возник белый «Мерседес», и из него выглянула Люська.

– Садись, – сказала она.

– Ну уж нет, я на концерт.

– Но подойти-то ты можешь?

Я подошла и заглянула в машину. Рядом с Люськой сидел негр и радостно улыбался. На мой взгляд, зубов у него было слишком много.

– Ну, что? – с тоской спросила я.

– Слушай, может, концерт перебьется? Я покупателя нашла, пихну видак за двести двадцать долларов, а Димка мне продает за сто семьдесят. Слышишь? Пятьдесят долларов

навару, а у тебя отпуск.

– Я на концерт пошла, – твердо заявила я.

– Ну, чего ты...

– Отстань.

Люська ткнула в спину сидящего перед ней парня.

– Сашка, сходи на концерт, а?

Сашка окинул меня взглядом, заулыбался.

– Я чего, пожалуйста.

– Сходи с Сашкой, – заныла Люська, – а мы вас встретим.

Идет?

– Идет, – зная, что спорить бесполезно, согласилась я.

– Вот и хорошо. Не злись, ладно?

Сашка вышел из машины, запахнул куртку и мне улыбнулся.

– Пошли?

Я взяла его под руку, и мы отправились вслед за немногими, как мы, подзадержавшимися гражданами.

– Что за концерт-то? – поинтересовался Сашка.

– «Реквием» Моцарта.

– Это чего, только музыка, что ли?

– Не только. Еще и поют.

Сашка вздохнул:

– Ладно, помучаюсь. Тебя Таней зовут?

– Откуда знаешь?

– Интересовался. Видел вас с Люськой пару раз. Муж есть?

– Есть.

– А чего с Люськой таскаешься?

– А он в Австралии.

– Ишь ты, куда занесло. В командировке, что ли?

– Вроде того.

Мы сдали в гардероб вещи и еще раз пристально посмотрели друг на друга. По моему мнению, Сашка ни на что не годился. Я мысленно обругала Люську и пошла в зал.

– А буфет здесь есть? – беспокойно поинтересовался Сашка.

– Есть, только в перерыв.

– Ладно, – согласился он, мы заняли свои места; Сашка привалился ко мне плечом, сграбастал мою руку, а я настроилась на тоскливое пререкание под чудесную музыку. Но счастье мне улыбнулось: Сашка оказался вполне мирным парнем, спросив каких-нибудь раз восемь: «Тебе правда нравится?» – он успокоился и уснул. Спал тихо, без храпа, ноги не вытягивал, я высвободила свое плечо и про Сашку забыла.

После концерта, пережидая очередь в гардероб, мы зашли в буфет, выпили по бокалу шампанского, и Сашка поинтересовался, как мы уьем вечер. Пока выяснялись мнения друг друга, очередь растаяла, мы получили свои вещи и вышли на улицу.

Белого «Мерседеса» не наблюдалось. Лично меня это ничуть не удивило, но Сашка стал возмущаться. Помучившись с пять минут, он предложил:

– Возьмем тачку – и в ресторан, идет?

Тут рядом затормозило такси, и появилась Люська.

– Садись быстро, – зашипела она.

Я села, Сашка тоже было собрался, но Люська гаркнула:

– А ты куда? Отбой!

Пока Сашка думал, что сказать в ответ, мы уехали.

Люська была без спутников. Это радовало.

– Ну что? – спросила я. – Продала, купила?

– Ага. Пятьдесят долларов в кармане. Сколько это по курсу? Отпуск обмоем.

– А куда направляемся?

– Как куда? В «Купола», попьем винца с хлебцем.

Однако с «Куполами» вышла неувязка: закрыто на спецобслуживание. Люська поматерилась, иссякла и стала на меня смотреть со значением, я стойко разглядывала свои ноги.

– Ну, чего? – наконец спросила она. – Куда махнем? Давай идею.

– Поздно уже. И холодно.

– Нешто вот так домой и поедем?

– Я спать хочу. У меня сегодня три колотые раны, раскрошенная челюсть и перелом бедра. А на десерт сотрясение мозга у бабки-одуванчика.

– Ты мне ужасов не рассказывай. Шла бы в стоматологию, рви себе зубы, и никаких ночных, благодать.

– Спать хочу, – сказала я и зевнула.

– Вот так всю жизнь и проспишь, – разозлилась Люська. –

Ладно, поехали домой. Купим шампанского с шоколадкой, выпьем на сон грядущий, как белые люди.

Люська пошлепала к ларьку, а я стала ловить машину. Люська вернулась как раз вовремя: рядом остановилась серебристая иномарка, каких до черта развелось в нашем тихом городе. Дверь открылась, и мужской голос весело нас поприветствовал:

– Куда, красавицы?

– К рынку, – сказала Люська, устраивая свои девяносто килограммов, я приткнулась рядом и сразу пожалела об этом: в машине было двое мужиков, и оба жаждали приключений. Вонь стояла отвратная: табак и стойкий запах алкоголя. Пассажир повернулся к нам, скаля зубы и держа бутылку шампанского.

– Чего, девчонки, хлебнете? «Абрау-Дюрсо».

– Из горлышка хлещем только водку, – усмехнулась Люська.

– Так и водка есть. Хочешь? Слышь, Гоша? – полез он к водителю. – Девки водки хотят.

– Налей, в багажнике целый ящик.

– Слышала? А чего это вы такие красивые и одни?

– А не подобрал никто, – опять усмехнулась Люська.

– Как никто? А мы?

– А чего с тебя взять-то, ты и так по сиденью размазываешься, того гляди бутылку проглотишь.

– Это ты зря, я еще очень ничего и очень даже могу... А

что, девчонки, махнем в казино?

– Туда тащиться тридцать километров, – заметила Люська, я подозрительно на нее покосилась, никуда ехать я не собиралась.

– А чего тридцать километров? Двадцать минут – и там, – заливался парень. – Что, поехали, отдохнем. Там все схвачено, ну?

– Сворачивай к рынку, – сказала я, однако водитель, хотнув, повернул налево. Люська хлопнула меня по руке:

– Не зуди. Прокатимся в казино. Интересно ведь. – Я выдернула руку и злобно на Люську уставилась, с таким же успехом я могла взирать на пульмановский вагон.

– Поехали, – сказала Люська. – Отпуск обмоем.

Мы выехали на объездную, свернули, не доезжая поста ГАИ, на проселочную дорогу, стрелка спидометра лезла к сотне, машину странно бросало из стороны в сторону. Только тут до меня дошло, что водитель пьян в стельку. Я почувствовала себя неуютно.

– Надо бы познакомиться, – сказал тип с бутылкой. – Меня Валеркой зовут, это Гоша.

– Это Таня, а я – Людмила, – чему-то радовалась Люська.

– Чей отпуск обмываем? – спросил Гоша.

– Татьянин.

– Молчунья у нас Татьяна. Где трудишься-то?

– БСП, – ответила я.

– Чего?

– Больница «Скорой помощи».

– Вон оно что. Это кем же?

– Доктор она у нас, – хохотнула Люська. – Хирург. Руки золотые.

Валерка сурово покивал и сказал:

– Хирург – это профессия. Пулевое ранение обработать сможешь?

Мне стало ясно: мы нарвались на законченных придурков.

– Не, – ответила я. – Я все больше по чирьям.

Валерка хлебнул из бутылки, получил горлышком по зубам и заорал:

– Гоша, поддай газку, прокати девчонок!

Гоша поддал. Просить их сбросить скорость было бессмысленно, такие идиоты скорее всего начнут гоготать и пугать еще больше, следовало стиснуть зубы и уповать на то, что мы куда-то сможем доехать.

– Ты бы руль получше держал, – не выдержала Люська.

– Не учи. Я машину с семи лет вожу. – Гоша принялся выписывать кренделя на дороге, Валерка ржал, задрал ноги на панель, а стрелка спидометра падала вправо. Впереди сверкнули фары.

– Машина, идиот! – заорала Люська.

Две секунды казалось, что мы столкнемся лоб в лоб, я замурилась, истошно звучал сигнал, что-то мелькнуло слева, и Гоша сказал, смеясь:

– Отдохни в кювете, сынок.

– Ты, придурок, – закипела Люська. – Права за барана купил?

– Ты чего это? – ответил он, слегка удивленно.

– Тебе на велосипеде кататься, и то в деревне.

Страсти накалялись. Я открыла сумочку и нащупала газовый пистолет, недавний подарок одного моего знакомого. Если честно, я им никогда не пользовалась, но тяжесть в сумке приятно успокаивала.

– Останови машину, – как можно спокойнее попросила я.

– Выйти хочешь? – глумился Гоша. – Выходи. Дверь рядом.

Он нажал газ, и машина едва не взлетела. Тут Люськино терпение истощилось. Она сделала борцовский захват правой рукой, Гоша дернулся, но против Люськи не потянул.

– Останови, сволочь, – спокойно сказала она, – не то шею сверну, как курице.

Валерка хотел было другу помочь, но я попросила:

– Не шали, – и показала подарок.

– Да пусть катятся, – разозлился Валерка. – Ножками пройдутся, шлюхи.

Мы вышли из машины. Через двадцать секунд от нее и след простыл, но остались лишь дурные воспоминания.

– Не злись, ладно? – попросила Люська. – Кто ж знал?

– Не злюсь.

После машины ветер пробирал до костей.

– Ну, чего, в какую сторону?

– К дому, – ответила я и побрела по дороге. Люська вышагивала рядом, ее жизненному оптимизму оставалось только позавидовать.

– Что ж теперь? – рассуждала она. – Дойдем. Может, кто поедет. Ты чего молчишь?

– Не говорится. Холодно.

– Давай я тебе платок дам?

– Не надо.

– Чего ты, повяжи платок. Холодища-то. До города далеко?

– Вон указатель на Глебовское, значит, пятнадцать кэмэ.

– Вот черт, а до Глебовского?

– До Глебовского два, только на чем ты оттуда уедешь?

Толай уж. Одна радость, завтра не на работу.

Дорога шла лесом, темно, даже Люськин оптимизм стал трещать по швам.

– Пойдем побыстрее, – сказала она. – Холодно.

Тут Люська дернула меня за руку:

– Танька, чего это?

Впереди справа откуда-то от земли пробивался свет, расходясь лучами в ночном небе.

– Тарелка, что ли? – ахнула Люська.

– Да заткнись ты, – не выдержала я.

Мы зашагали быстрее, через минуту стало ясно: это машина. Двигатель заглох, а фары продолжали гореть. Машина нырнула в кювет, мы могли бы ее не заметить, если бы

не свет.

– Это тот парень, да? – почему-то шепотом спросила Люська.

– А кто ж еще?

Мы спустились к машине.

– А шофер-то где? – не унималась Люська. – Ушел, что ль, куда?

Шофер был в кабине, сидел, навалившись на руль. Я открыла дверь, мне сразу стало ясно: парень мертв. Впереди на уровне капота торчал здоровенный пенёк. Люська, выглядывая из-за спины, спросила тревожно:

– Чего с ним?

– Ничего. Мертвый.

– О господи. Как же так? Может, ты посмотрела плохо?

Я повернула голову парня, нащупала артерию.

– Нет.

– Да как же так?

– Перестань дергаться. Покойников, что ли, никогда не видела?

– Ну надо же, сволочи, ублюдки пьяные. Ты хоть номер запомнила?

– Нет.

– Черт с ним, с номером. Найдут. Ты посмотри еще раз, на нем и крови-то нет.

– Висок видишь? И грудь. Не повезло парню. Одно хорошо, что сразу. – Что делать-то будем?

– Пойдем в город, на посту сообщим.

– А он как же? Здесь оставим?

– На себе потащим.

– Ты бы свет выключила, – жалобно попросила Люська. –

Страшно.

– В темноте еще страшнее будет. Закурить дай.

– Так нет ничего. У этих козлов в машине оставила.

– Вот черт.

– У него сигареты есть, – тихо сказала Люська, кивая на покойника. – Вон лежат.

Пачка сигарет валялась на полу, со стороны сиденья пассажира.

– Взять?

Я кивнула. Люська обошла машину и подергала дверь.

– Заперто.

Я протиснулась вперед, стараясь не касаться парня, и отперла дверь. Внизу на полу что-то блеснуло. Люська подняла пачку и стала рукой шарить.

– Чего ты? – удивилась я.

– Смотри, «дипломат».

На переднем сиденье лежала спортивная сумка. «Дипломат» Люська положила рядом, к ручке на цепочке был подвешен ключ, он скорее всего и блеснул.

– Тяжелый, – сказала Люська, жадно глядя на меня. Любопытная она была, как обезьяна. – Давай посмотрим?

– Зачем? – усмехнулась я.

– Не знаю. Может, там что интересное.

Люська сняла ключ, открыла «дипломат», откинула крышку, потом медленно подняла голову. Лицо у нее было совершенно ошалелое.

– Чего там? – спросила я. – Еще один покойник?

– Деньги, – тихо ответила Люська.

Я обошла машину и заглянула в «дипломат». В тусклом свете я увидела пачки по пятьдесят тысяч, лежавшие ровными рядами.

– Десять по пять, – уже торопливо начала Люська. – Это пятьдесят, по пять «лимонов» в каждой. Двести пятьдесят миллионов... убиться дверью!..

Мы посмотрели друг на друга.

– Свет выключи, – тихо сказала Люська. – Не ровен час, кто-нибудь мимо поедет, увидят с дороги.

Свет я выключила, поежилась и по сторонам осмотрелась.

– Мотать отсюда надо. И язык за зубами держать. Парню мы не поможем, а сами влипнем. Пошли.

– Как пошли? – ужаснулась Люська. – Ты чего, хочешь деньги бросить?

– Что значит «бросить»? Они чужие.

– Ты чего это говоришь-то? Такие деньги... для моих-то нервов.

– Покойника обворовываешь?

– Да заткнись ты... за такие деньги...

– Вот именно. За такие деньги тебе сто раз башку оторвут.

– А кто узнает? Мотаем отсюда, и молчок. Спрячем их, а тратить начнем через годик. Все забудется. Это судьба, слышишь, судьба нам деньги посылает.

– Ага, – хмыкнула я. – И неприятности в придачу. Деньги эти ворованные. Дураку ясно. Честный человек двести пятьдесят миллионов в «дипломате» не возит.

– Тем более, – обрадовалась Люська. – Значит, и не обворовываем мы вовсе, а экспроприируем экспроприаторов. И вообще, давай дискутировать подальше отсюда. Наедет кто, базарить не будут, оторвут башку, и вся недолга.

Последнее Люськино замечание показалось мне весьма здравым.

– Пошли, – согласилась я.

– Давай в сумке посмотрим, – заговорщически предложила Люська и потянулась к «молнии». В сумке лежали четыре пачки двадцатидолларовыми купюрами.

– Денег чертова прорва. Восемь тысяч баксов. Пряма беда. Теперь главное – смыться, – бубнила Люська. У меня схватило зубы.

– Доллары сунь в карман, – зашипела я. – «Дипломат» в руки, и за мной.

На дорогу мы выходить не стали, пошли в глубь леса.

– Ты что задумала? – спросила Люська.

– Если уж мы с этими деньгами связались, заткнись и делай, что скажу.

Отойдя от машины с километр, я достала из сумки два

пакета и переложила в них деньги, «дипломат» спрятала под корягу, конечно, если будут искать, все равно найдут, но так спокойнее.

– Пошли, – сказала я Люське, и мы зашагали лесом параллельно дороге. Было это страшно неудобно и тяжело.

– А чего мы назад идем, а не в город? – волновалась Люська.

– Если кто чего спрашивать будет, так эти козлы выкинули нас за Глебовским. Туда мы и притопали. А здесь нас не было, ясно?

– Ясно.

Два километра мы преодолели за час. В Глебовском лаяли собаки и царила темнота. Мы встали на остановке, дружно молясь и вглядываясь в пустынную дорогу, перспектива стоять до утра не прельщала. Проситься на постой смысла не имело, все равно не пустят.

Примерно минут через двадцать сверкнули фары, и мимо нас проехала машина, водитель притормозил и сдал назад, задняя дверь открылась, и мы, стуча зубами, полезли в тепло. В машине было трое молодых ребят, вполне симпатичных, а главное – трезвых.

– До города довезете? – проблеяла Люська.

– Довезем. Вы чего ночью путешествуете?

– Да мы давно в пути, – не давая Люське открыть рта, ответила я. – Хотели отдохнуть, да с кавалерами поссорились. Шли пешком почти от Семеновской.

– Не слабо, – удивился парень. – Километров восемь. Что ж у вас женихи-то такие?

– Не повезло.

Я поставила пакет между собой и Люськой и прикрыла его локтем, Люська сделала то же самое со своим пакетом. Парни выглядели усталыми и все больше молчали. Мы собрались вздремнуть, и тут парень, что сидел рядом с водителем, сказал:

– Притормози, Витя, чего это там?

Мне не стоило смотреть в окно, и так было ясно: мы снова на том же проклятом месте. Парень вышел, вернулся через минуту.

– Чего там?

– Авария. Паренек в кювет улетел, в пень уперся. Голова разбита.

– Жив?

– Не знаю, – поежился парень. – Пошли вместе.

Люська осталась в машине, а я пошла вместе с ребятами и проделала все то, что и два часа назад: повернула парню голову, нащупала артерию и сказала:

– Он мертв.

– А ты в этом понимаешь?

– Я хирург из БСП.

– Ясно. Поехали, сообщим на посту.

Следующий отрезок времени был для меня крайне непри-

ятным: находиться под пристальным оком милиции буквально обложенной миллионами затруднительно для моих нервов. Домой мы вернулись уже на рассвете, с трудом держась на ногах. Пакеты с деньгами убрали, приняли душ и легли. Сон не шел.

– Ты что купишь? – спросила Люська, разглядывая потолок.

– Заткнись, – огрызнулась я.

– Ну чего ты, все равно ведь не спишь, давай помечтаем.

Люська принялась вслух мечтать, а я размышляла о деньгах в шифоньере. Потратила я на это часа два, потом поднялась и сказала Люське:

– Едем.

– Куда это? – встрепенулась она.

– Деньгам здесь не место.

– Не в банк же их.

– Зарыть надо, поглубже, и забыть о них на полгода. Чует мое сердце, придут за ними.

– И мое чует, – поддакнула Люська. – Где зароем?

– На даче, где ж еще?

– Сейчас поедем?

– Сейчас.

Через двадцать минут мы двигали к гаражу, где стоял мой «жигуленок», точнее, принадлежал он родителям, но ездила на нем я. Папа восемь месяцев в году исправно лежал под машиной, что позволяло мне оставшиеся четыре без проблем

ею пользоваться. Машине было восемнадцать лет, но выглядела она благодаря папе вполне прилично. Еще через двадцать минут я тормозила возле рынка.

– А сюда зачем? – удивилась Люська, деньги ей, как и мне, спокойно сидеть не давали.

– Миллионы, Людмила Сергеевна, вещь хлопотная. Привыкай много суетиться и думать.

– Вот-вот, думать. С моими-то нервами.

– Сиди в машине, сторожи состояние.

Я отправилась к воротам, где красноносые мужики торговали саженцами, купила пять прутиков крыжовника и две рябинки.

– Дичок? – сурово спросила я, мужик возмущенно заклохтал и пообещал урожай на железнодорожный контейнер. Спорить я не стала и вернулась к машине. Люська, увидев саженцы, хмыкнула и сказала:

– Головастая ты у нас баба.

– Смотри-ка, сообразила, – ответила я. – Варит головка. Деньжатами запахло, и шестеренки завертелись.

Люська хохотнула и опять мечтать принялась. Ко-гда из города выехали, она уже скупила всю местную барахолку и в Москву отправилась, но с полдороги вернулась и сказала, только что не мурлыча:

– Машину тебе подарю, импортную. Будешь ездить, как белая женщина.

– Ага, – хмыкнула я. – И тебя возить.

– Нужна ты мне. Я себе «Вольво» куплю и шофера к нему: блондина с голубыми глазами. – Люська немного помолчала и добавила: – Машина нам бы и вправду не помешала, мало ли что, а на твою «копейку» никакой надежды, возьмет да и развалится.

– А ты не каркай.

Возле указателя я свернула на проселочную дорогу, проехала еще пару километров и увидела крышу своей дачи. С виду дача была ничем не примечательная: типовое двухэтажное сооружение с большой верандой, однако внутри имелись настоящий камин и настоящая медвежья шкура. Шкура мне досталась по наследству от дядьки-лесничего вместе с парой оленьих рогов, а камин собственноручно выложил Славка перед своим отбытием за границу. Он же сделал винтовую лестницу с резными перилами на второй этаж и прочие заслуживающие внимания детали интерьера, которые вызывали трепет у моих гостей. По общему мнению, у Славки были золотые руки. Мы подъехали к крыльцу и, прихватив саженцы, вошли в дом.

Деньги упаковали в металлический ящик, в котором папа хранил инструменты. Пока Люська растапливала камин, я взяла лопату и вышла в сад. Крыжовник следовало посадить на боковой грядке, а рябинки возле забора. Через полчаса вышла Люська, и работа пошла быстрее. Деньги положили в тележку, прикрыв навозом, и вместе с ним поместили в ямку. Я держала рябинку, а Люська обгробала землю, аккурат-

но ее притаптывая. Потом мы помыли руки и пошли в дом.

– Да, миллионы дело хлопотное, – покачала головой Люська. – Думай теперь: ну как выроет кто.

– А я что говорила? Оставили бы их в машине, и душа б не болела.

– Не-а, все равно б болела, потому что человек так устроен: не возьмешь, будешь думать: «Что ж я, дура, не взяла», возьмешь – «Что ж я, дура, с ними связалась».

– Разливай чай, психолог.

– А что? Думаешь, я только зубы рвать умею? Нет. Посидишь в моем ларьке, такого насмотришься, куда там Фрейду.

После чая мы немного вздремнули и к вечеру вернулись домой. Люська решила ехать к себе, заявив, что я ей мечтать мешаю, отговаривать ее я не стала.

Воскресенье я провела у родителей, в понедельник отправила их в санаторий, съездила на работу, в надежде получить деньги за отпуск. Деньги, как ни странно, дали, что прибавило мне настроения. Я прошлась по магазинам, заехала к знакомым и только поздно вечером вернулась домой.

Следующие два дня прошли спокойно, и я робко засомневалась: может, зря я ждала неприятностей? Четверг начался с телефонного звонка в восемь тридцать утра. Я сняла трубку, и незнакомый мужской голос спросил:

– Таня?

– Да.

– Это Виктор. Я с друзьями подвозил вас в пятницу, ну,

когда авария была, помните?

– Конечно, помню. Здравствуйте, Виктор. А что случилось?

– Тут такое дело, – неуверенно начал он, – даже не знаю, как объяснить. Прийти к вам могут. Так вы поосторожней.

– Кто может прийти? – спросила я, чувствуя, как сердце куда-то проваливается.

– Этот парень в машине, не знаю, кто он, но есть люди, которых эта авария очень интересует. Такие люди, с которыми надо быть поаккуратней. Вы понимаете?

– Нет, – ответила я, прекрасно все понимая.

– В общем, расскажите все, как было, и... спокойнее. Спорить с ними не стоит. Я просто хотел предупредить.

– Спасибо, – сказала я. – Только я ничего не поняла.

Мы простились, я повесила трубку и пошла на кухню выпить валерьянки. Итак, хозяева денежек объявились и, как следовало ожидать, незамедлительно вышли на нас. Хотя я предвидела это, но испугалась страшно. Чтобы немного успокоиться, приняла душ, подкрасилась и стала размышлять, где лучше ждать неприятностей: дома или в гостях. Вот тут как раз и позвонили в дверь. Сделав три глубоких вдоха, я пошла открывать. На пороге стояли двое верзил в одинаковых кожаных куртках. Спортивные стрижки не скрывали от мира мудрых лбов и мечтательных глаз.

– Здравствуйте, – сказала я, – вы к кому?

– Кузнецова Татьяна Михайловна это вы?

– Да, это я. – Я улыбнулась, помня, что это лучший способ наладить контакт.

– Мы по поводу аварии, надо поговорить.

– Проходите, пожалуйста. Так вы из милиции?

– Да, оттуда.

– Раздевайтесь, проходите на кухню. – Я продолжала улыбаться и демонстрировать готовность к сотрудничеству.

– Спасибо, мы так. – В кухню они прошли и сели на диванчик, кухня стала вдруг страшно маленькой, а я поставила на плиту чайник, не забывая между делом выставить свои достоинства в выгодном свете: отношение к женщине – это одно, а отношение к красивой женщине – совсем другое.

– Выпьете чаю? – предложила я.

– Спасибо, не надо. – Парни несколько пообмякли, на лицах появилось вполне человеческое выражение.

– Вы нам про аварию расскажите.

– Я даже не знаю, что, собственно, могу рассказать, – озабочилась я и плечами пожала. – Мы ведь аварии не видели. Володя, он впереди сидел, говорит: «Притормози, Витя» – и вышел посмотреть. Вернулся, сказал: «Авария». Он водителя в окно увидел, дверь открыть побоялся, знаете, как бывает... вернулся за нами.

– Долго он ходил?

– Нет, он очень быстро вернулся.

– Быстро, это как?

– Полминуты, минута, не больше.

– В руках у него было что-нибудь?

– В руках? Нет. Он ничего с собой не брал.

– И что дальше?

– Мы пошли все вместе, нет, моя подруга осталась в машине, испугалась, а мы пошли. Я хирург по профессии, думала, если водитель ранен, помогу, но...

– Как вы думаете, долго он там лежал?

– Я затрудняюсь ответить. Может быть, час, может, больше. Это работа патологоанатома.

Парни переглянулись:

– Значит, у машины вы все вместе были?

– Да, вчетвером. Открыли дверь, я убедилась, что он мертв, и мы поехали к посту ГАИ.

– Кто-нибудь из вас садился в машину?

– Нет, конечно, зачем?

– Ну, посмотреть документы, они могли лежать в сумке, и все такое...

– Извините, но находиться рядом с покойником занятие не из приятных. Как только стало ясно, что ничем ему не поможешь, мы ушли.

– Все вместе? Я имею в виду, может быть, кто задержался, нехорошо стало, или в туалет...

– Нет, мы ушли все вместе.

– А когда ехали, встречных машин много было, за вами кто-то ехал или впереди?

– Дорога пустынной была, в сторону города вообще ника-

кого движения, и, пока ехали, от Глебовского навстречу никто не попадался.

Тут входная дверь хлопнула, из прихожей послышался шум, словно там резвились два взрослых слона, потом прогрохотало по коридору, первый этаж сотрясся в конвульсиях, и появилась Люська. Я поняла, что неприятности только начинаются. Кухня сжалась до размеров консервной банки, парни выказали легкое замешательство, а Люська победно хмыкнула, удовлетворяясь произведенным эффектом, и сказала:

– Привет.

– Здравствуйте, – сказали парни несколько неуверенно, их чувства были мне понятны.

– Да у тебя гости, – громыхнула Люська. – А чего в куртках сидят?

– Это из милиции, по поводу аварии, – ласково ответила я.

– Seriously, а удостоверения ты у них проверила? – Люська сурово уставилась на парней. – Так, граждане, удостовереньица предъявим. А то Татьяна Михайловна у нас святая простота, цыганам на бедность подает.

Парни переглянулись, поднялись как по команде.

– Ну что ты, Люда, – забубнила я, изображая неловкость. – Нельзя же так.

– Извините, до свидания, – сказали парни и направились к двери. Люська стала гневаться:

– А удостоверения-то где, мальчики? Ты, Танька, дура

неувязанная, они ей по ушам ездят, а она и рада. Нужна им твоя авария, обворуют квартиру, прости господи.

Не вступая в перепалку, парни покинули квартиру. Я прислонилась к двери и стала сверлить Люську особенным взглядом. Люська растянула рот до ушей, хохотнула и спросила:

– Здорово я их?

– Жаль, что ты не подзадержалась малость.

– А по-моему, все как по нотам. Ты простая и доверчивая девчонка, а я подозрительная и злющая. Про то, что мы к машине никакого отношения не имеем, ты им напеть успела?

– Успела.

– Вот и ладненько. А начни и я блеять, показалось бы подозрительным. Психология.

– Для твоих-то нервов, – ввернула я. Люська усмехнулась, прошла в комнату и села в кресло.

– Значит, и мне гостей ждать. Как думаешь, отбрешемся?

– Как будут спрашивать.

– Что значит, как будут спрашивать? Это ты про увечья, что ли?

– Это я про них.

Люська задумалась:

– Миллионы, конечно, вещь, но что делать, если эти жлобы мне утюг на брюхо поставят?

– А ты на них сядь.

– На кого? – удивилась Люська.

– На жлобов.

– И что?

– Думаю, ты их раздавишь.

– Хорошая мысль, – миролюбиво согласилась она. – Однако безопасность – дело серьезное и шуток не терпит. Поэтому обеспечение безопасности я беру на себя. И уже приняла кое-какие шаги.

– Бронежилет купила? – ввернула я.

– Узко мыслишь. Богатые люди во всем мире имеют телохранителей.

Я подозрительно разглядывала Люськину физиономию с лихо вздернутым носом и смеющимися глазами, пытаюсь понять, до чего она смогла додуматься. Люська излучала довольство.

– Кто у нас в телохранителях будет? Кевин Костнер? – спросила я.

– На что он годится, твой Кевин Костнер? Опять же, трудности с языком.

Тут я всерьез забеспокоилась, Люська не зря на целых четыре дня оставила меня в покое, чем-то она эти дни занималась.

– Слушай, – начала я, – только не говори мне, что ты нашла какого-то чокнутого алкоголика из бывших боксеров и все ему разболтала.

– Ты за кого меня принимаешь? – обиделась Люська. – Чокнутого алкоголика! Наша любимая родина, с которой

ты все никак не свалишь, двигает к цивилизации, наемные убийцы у нас уже есть, и телохранители, слава богу, появились.

Я закатила глаза и попросила:

– Скажи мне сразу, где ты его откопала?

– Сейчас, – обрадовалась Люська и потопала в прихожую, вернулась она оттуда, держа в руках газету, которая подозрительно пахла.

– Ты что, ее на помойке нашла? – спросила я.

– Нет. Я на ней селедку разделявала. Разделяваю я селедку и думаю о нашей безопасности, и тут взгляд мой упал на газету. Объявление видишь? Молодой человек, окончивший спецкурсы, предлагает свои услуги в качестве телохранителя. Дураку ясно – это судьба. Я ему написала, он мне позвонил.

– И что?

Люська взглянула на часы.

– Сейчас придет.

– А почему ко мне?

– По кочану.

Тут прозвенел звонок.

– Видала? – обрадовалась Люська. – Пунктуальный, – и пошла к двери.

– Подожди, – зашипела я. – Что ты ему скажешь?

– Найду, что сказать, не бойсь.

– Про машину даже не заикайся.

Я вышла в кухню, грохнула чайник на конфорку, слыша, как Люська в прихожей приветствует кого-то сладким голосом. Небольшое стадо смиренных бегемотов прошло по коридору, и в кухне возникла сияющая Люська рядом с огромным и очень серьезным детиной. При виде его у меня схватило зубы. Я застонала и села на диван.

– Что ж, будем знакомиться, – сказала Люська. – Это Сережа, а это Татьяна Михайловна, женщина она деликатная, я бы даже сказала – нервная, вам это тоже придется учитывать в своей работе.

Сережа был выше Люськи на целую голову, оба возвышались надо мной, точно гоблины из сказки.

– Садитесь, – скомандовала я, и они сели, мне стало легче дышать.

Сережа бросил внимательный взгляд на мою кухню, сел в углу, откуда хорошо просматривалось все пространство, и замер. Обманчивое спокойствие маскировало напряжение и готовность в любую минуту отразить удар. Мне стало совсем худо: американские боевики Серега смотрел не зря.

Люська рассматривала его, как подарок под елкой, и только что не мурлыкала. Он был хорош: бицепсы, трицепсы и прочие достоинства перекатывались под легким свитером, мужественное лицо с ярко-синими глазами, прямой нос, губы нежно-розового цвета, зубы, которым не смогла бы нанести ощутимого вреда даже Люська, чистый лоб и густые светлые волосы со стрижкой Ван Дамма. Зубы у меня опять

заныли.

– Я думаю, нам есть что обсудить, – серьезно сказал Сережа, вообще он был очень серьезным парнем. – Чтобы моя работа была максимально эффективной, я должен знать об охраняемом мною человеке практически все.

– У меня никаких секретов не будет, – промурлыкала Люська, темперамент ее наружу рвался, это уже и Серега почувствовал и сделал слабую попытку отодвинуться, но не тут-то было. Люська сдвинула коленку влево, а вслед за ней и свою руку, которая сразу же оказалась в опасной близости от его беззащитной руки.

– Сережа, – спросила я, – вам сколько лет?

– Двадцать пять, – слегка растерялся он. Если ему и исполнилось двадцать пять, то не иначе как вчера.

– Вы имеете опыт работы подобного рода?

– Нет, – честно ответил он, теряя недавнюю уверенность. – Я только закончил курсы.

– Ясно, – кивнула я.

– Я вам не подхожу? – с достоинством спросил он.

– Еще как подходишь, – замурлыкала Люська и грозно на меня посмотрела. – Идем-ка, Татьяна Михайловна, пару слов сказать надо. – Мы вышли в комнату, Люська навалилась на меня бюстом и, размазывая по стене, сказала: – Он нам нужен.

– Ты чокнутая старая обезьяна, – зашипела я. – На кой он тебе черт? Под ногами путаться? Единственное, на что он

годен, так это на двухдневный отдых на моей даче.

– Может, так, а может, и нет. Кулаки у него будь здоров, и чему-то его на этих курсах все ж таки учили. Мужик нам нужен, пропадем без мужика. Ты, что ль, кулаками начнешь махать?

В кулачном бою я была не сильна.

– Ладно, – кивнула я. – Делай что хочешь.

– Вот и чудненько.

Мы вернулись в кухню, Серега пытливо взглянул на нас, я выдала улыбку, а Люська сказала:

– Если цена нас устроит, считай, сговорились.

О цене Серега говорил деликатно, едва ли не стыдясь, вопрос этот решили быстро.

– Так в чем ваша проблема? – покончив с тарифными ставками, спросил он.

Тут опять встряла я:

– Проблема у нас такая: два года назад близкий друг Людмилы Сергеевны сел в тюрьму. – Люська удивленно вскинула брови, выкатив красивые глаза цвета спелой вишни, посмотрела на Серегу и кивнула, а я продолжила: – Перед тем как отбыть в Горьковскую область, он завещал ей небольшую сумму денег, которая с нашей инфляцией очень быстро растаяла. Людмила Сергеевна, по понятным причинам, прекратила всякие отношения со своим бывшим другом, он же, тоскуя по былому счастью, не прекращает ее беспокоить, маскируя свои домогательства желанием вернуть день-

ги. Он все еще в местах лишения свободы, но его многочисленные друзья не дают Людмиле Сергеевне спать спокойно. Ваша работа – это скорее не предотвращение реальной угрозы, а некий психологический фактор.

Люська, чуть приоткрыв рот, взирала на меня с уважением, если честно, я и сама себя зауважала.

– Ясно, – кивнул Серега. Было заметно, что ему ничего не ясно.

– В общем, – подвела Люська черту под моей речью, – если кто из этих бандюг сунется, дай ему по морде, чтобы знал, за меня есть кому вступить.

Однако Серега оказался не таким уж простачком; помолчав, он задал вполне разумный вопрос:

– Я хотел бы знать, этот ваш друг – он сам сел в тюрьму или ему кто-то помог?

Люська обиделась:

– Чтоб я любимого человека ментам сдала? Другое дело – обобратить до нитки. Я порядочная женщина. – Люська хмыкнула и плотоядно уставилась на Серегу, тот кашлянул и в поисках спасения воззрился на меня.

– Машина у вас есть? – спросила я.

– Нет, – словно извиняясь, ответил он.

– А права?

– Есть.

– Вот и чудненько, – опять влезла Люська, – будет на твоей «копейке» ездить. Что ж, вроде обо всем договорились,

соглашение наше вступает в силу с этой минуты. Надо бы это обмыть.

– Я не пью, – торопливо заверил Серега.

– Людмила Сергеевна имеет в виду чай, – сказала я и сняла с плиты чайник.

Мы стали чай пить, однако и тогда Люська не оставила своих поползновений, смотрела на Серегу со значением и все норовила за руку схватить. Серега мужественно сохранял достоинство и выдержку, сидел подобравшись, словно ожидая удара.

– Я думаю, мы останемся довольны друг другом, – мяукнула Люська, а Серега, наверное, от счастья опрокинул на себя чайник. Чайник, задержавшись на верхней части его ноги, грохнулся на пол, а Серега взвыл, вскочив ошпаренным (слово «как» я по понятным причинам опускаю).

– О господи, – всполошилась Люська. – Очень больно?

Серега, закатив глаза, скрипел зубами, а я скомандовала:

– Снимай штаны.

– Чего? – перепугался он.

– Штаны снимай. Ожог – вещь серьезная.

Через несколько минут успокоенный Серега сидел, прикрывшись моим халатом, нога в аэрозольной пене покоилась на табурете, мы ели пирожные, наш телохранитель бессовестно на них налегал, а я тоскливо думала, что хлопот теперь прибавится.

На следующий день Люська вновь появилась у меня, разумеется, с телохранителем, и с порога заявила, что берет месячный отпуск.

– А тебя отпустят? – спросила я.

– А и не отпустят, с моими-то деньжатами я пять таких ларьков куплю.

В Люськиных словах была своя логика, и мне пришлось согласиться. Поскучав минут пять, Люська предложила прокатиться по магазинам, идея мне понравилась, и мы отправились на моих «Жигулях», я была за рулем, а Люська с Серегой сели сзади. Купить мы успели только любимые пирожные, поход был прерван кровавым происшествием. Повинны в этом были Серегина деликатность и недостаток бдительности: он помогал Людмиле Сергеевне выходить из машины, по всем правилам прикрывая ее своим телом, а та, изловчась, прихлопнула ему дверью палец. Серега освободил его дрожащей рукой, глухо простонал и побледнел. Мы поехали ко мне, где я обработала палец, наложила повязку, пообещав, что ногтя он лишится. Серега держался мужественно, Люська извинялась и кормила его пирожными. Если так пойдет дальше, парню желудок она испортит, ну и зубы, само собой. Покончив с пирожными, мы продолжили поход по магазинам, но прошел он как-то вяло: Людмила Сергеевна боялась хлопнуть дверью, а ее телохранитель заметно прятал руки. Под вечер мы вновь оказались возле моего дома, Люська решила ночевать у меня, я против обыкновения согласилась:

ее лучше держать на глазах, иначе вслед за Серегой мог появиться еще бог знает кто. Я отдала Сереге ключи от гаража с просьбой поставить машину, и мы с Люськой зашагали к подъезду, телохранитель остался ждать в машине, когда мы, оказавшись в квартире, дважды посигналили светом, что все в порядке.

Как только мы вошли в подъезд, сердце мое стремительно дезертировало: возле почтовых ящиков стояли два моих недавних визитера, я попятилась, а Люська, сверкнув улыбкой, пошла прямо на них.

– А вот и наши милиционеры. Так что там с удостоверениями?

– Прикрой рот, – спокойно сказал парень, – и в квартиру топай. Поговорить надо.

– Говори здесь, – ответила Люська, а я вертелась у двери, пытаюсь решить: звать Серегу на помощь или не стоит?

– Вам вообще чего надо? – сурово спросила Люська, а я, наконец решившись, толкнула дверь и заорала со всей возможной громкостью. Кто-то схватил меня за шиворот и больно дернул, я закрыла лицо руками и заверещала еще громче.

Тут хлопнула дверь, и меня отпустили: в подъезде появился Серега. Он был великолепен. В три счета разделался с первым парнем, поразив меня своими талантами. Это было даже лучше, чем в кино. Беда только в том, что второй парень, вместо того чтобы спокойно дожидаться своей очереди, как

положено плохому персонажу в любом приличном фильме, сразу же ринулся помогать дружку, и Сереге пришлось туго.

К счастью, на помощь ему подоспела Люська. Схватив парня за волосы, она сначала задвинула ему коленом по лицу, а потом носком сапога ниже пояса. Парень крикнул и заметно опечалился. Я, пользуясь тем, что на меня никто не обращает внимания, влетела в квартиру и позвонила в милицию. Когда к подъезду подкатила милицейская машина, связанных собственными ремнями парней сдали с рук на руки. Молоденький старательный милиционер побеседовал с нами и скоро отбыл. Оказавшись на родной кухне, мы возбужденно обсудили происшествие, Люська расцеловала Серегу, присвоив ему звание Героя, а я обработала ссадину на его мужественном лице и наложила тугую повязку на локоть.

– Наверное, тебе сегодня лучше здесь ночевать, – сказала Люська.

Серега кивнул. Внутренне я была против того, чтобы превращать свой дом в ночлежку, но недавний визит вызвал в груди томление, и я согласилась. Серега позвонил домой и остался. Его уложили в кухне на старом надувном матрасе, который был ему явно маловат, а мы с Люськой устроились на диване.

Ночью меня мучили кошмары, сквозь сон с кухни доносился подозрительный шум, я сунула голову под подушку, как страус в песок, с намерением ни в коем случае не просыпаться.

Утром, открыв глаза, я обнаружила, что Люськи рядом нет, потянулась и пошлепала в туалет. Серега спал на полу, сбив простыни и подушку, занимая большую часть моей кухни, спал, лежа на животе и сладко посапывая. Люська плескалась в ванной, что-то напевая. Заварив себе кофе, я вернулась в постель и через двадцать минут спала как убитая. Разбудил меня Люськин рык:

– Подъем, соня. Завтрак готов.

Я посетила ванную и в халате вышла к столу. Люська разливала чай и светилась изнутри, как электрическая лампочка. Посмотрев на стол, я сказала:

– Ты плохой стоматолог.

Люська нахмурилась:

– Почему?

– Нельзя есть столько сладкого. Зубы испортишь.

– Ешь, что дают, и молчи.

Серега выглядел счастливым новобрачным. По тому, как он называл Люську «Люда» и со значением смотрел на нее, стало ясно: ночь была бурной и навеки оставила след в его душе.

– Вас можно поздравить? – поинтересовалась я. Серега заерзал, а Люська хмыкнула.

– Чем собираешься заняться? – спросила она.

– Ничем, – ответила я. – На диване лежать.

– Значит, с нами не поедешь?

– Не поеду.

– А чего не спрашиваешь, куда?

– Зачем, все равно ведь не еду. А куда вы?

– Так, дела кое-какие. Машину даешь?

– Бери.

В понедельник мы встретились после обеда, лица обоих излучали счастье, кто кого охраняет, понять было затруднительно, да я и не пыталась, потому что с этого дня события стали развиваться стремительно и совершенно в другом от желаемого направлении, что дало мне возможность сотню раз пожалеть о заимствованных из машины деньгах.

Началось с того, что какой-то псих загнал меня в кювет. Загнал, притормозил, помахал рукой и отбыл. Чертыхаясь, я сменила направление, как только смогла унять дрожь в руках, и поехала к Люське. Серега, естественно, был там. Я поведала о происшествии.

– Может, это случайность? – спросил Серега.

– Еще чего, – обиделась я. – Он сделал это нарочно да еще рукой помахал.

– Может, шпана какая? – с умным видом заметила Люська. – Мало ли придурков на дороге?

– Не заговаривай мне зубы, – злилась я.

Тут не к месту встрял Серега:

– От тебя-то им чего надо? Я считал, что угрожают только Людмиле.

Мы с Люськой переглянулись, хмыкнули и замолчали. На мой взгляд, оба легкомысленно отнеслись к моему приклю-

чению. В любом случае к вечеру их мнение изменилось. Мы ехали ко мне, когда сзади пристроилась «девятка», не просто пристроилась, а висела у меня на хвосте, едва ли не подталкивая бампером.

– Он что, чокнутый? – удивилась Люська.

– Притормози, – сурово сказал Серега. – Я с ним разберусь.

Однако я сочла за лучшее не останавливаться. Неожиданно впереди возникла еще одна машина, на этот раз «восьмерка», я отчаянно сигналила, но эффекта это не произвело. Зажатые с двух сторон, мы двигались некоторое время не скажу, чтобы очень быстро. На светофоре мне удалось оторваться от этих психов, и, развивая возможную скорость, я бросилась к дому. Мне везло, а им нет. В результате я въехала во двор на полторы минуты раньше, потому, когда преследователи появились, мы уже были в квартире и баррикадировали дверь. Серега остался ночевать: ожидалось нападение.

– Машину надо в гараж отогнать, – мрачно сказал телохранитель.

– Да черт с ней, – дружно запротестовали мы.

Выходить во двор желания не было, так же, как оставаться в квартире без Сереги. Мудро рассудив, что машина – всего лишь груда железа, мы поужинали и сели в комнате, не включая света и держа телефон под рукой. Часы шли, а ничего не происходило.

– Под утро придут, – сказала Люська. – Когда бдительность потеряем.

Мы ввели дежурства и решили соснуть. Моя очередь дежурить так и не наступила: когда я открыла глаза, сияло яркое апрельское солнышко, Люська спала, прижавшись ко мне, спал и ее телохранитель, недавно произведенный в герои, правда, он спал в кресле, вытянув длинные ноги и открыв рот.

Порадовавшись, что ночь прошла без происшествий, мы позавтракали, и Люська засобиралась домой. Зачем с ними потащила я, понять трудно, скорее просто для того, чтобы не быть одной. Мы вышли из подъезда и с удивлением обнаружили мою машину в целостности и сохранности стоящей там, где мы ее вчера бросили. Я считала, что в лучшем случае увижу груды железа, но «копейка» моя сверкала ровной поверхностью без единой вмятины, блестела целыми стеклами и, на мой взгляд, за ночь как-то похорошела.

Вместо того чтобы обрадоваться, я вдруг запаниковала. И тогда Серега радостно хохотнул:

– Ура! Средств передвижения они нас не лишили!

– Подожди, – торопливо сказала я.

– Чего? – удивился он.

– Не знаю, – ответила я, точно зная, что никакие силы небесные не заставят меня сесть в машину. Так уже было однажды: я училась в институте в другом городе, на выходные ездила домой, на третьем курсе, как-то в субботу, выстояв

дикую очередь и услышав по динамику, что на такой-то рейс билетов нет, я уныло побрела к выходу, и тут добрый дядька предложил мне билет. Счастливая, я купила мороженое и, радуясь жизни, пялилась в окно. Вот тут-то на меня и накатило: я вдруг поняла, что ни за что на свете не сяду в автобус. Кончилось тем, что, продав свой билет, я поплелась на объездную, в надежде на попутку, где и была подобрана часа через три в почти обмороженном состоянии сердобольными перегонщиками. Я нисколько не удивилась, узнав через два дня, что автобус столкнулся с «КамАЗом», четыре пассажира погибли, те, что занимали первые места. Мое было первым.

Эти мысли вихрем пронеслись у меня в голове, пока я стояла и пялилась на свою машину.

– Ну ее к черту, – наконец сказала я. – Поедем на такси.

– Что за ерунда? – удивился Серега.

– К черту, – твердо ответила я, испытывая все большее желание держаться от машины подальше. Видя мою непреклонность, Серега предложил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.